

**Отзыв официального оппонента
о диссертации Ковылина Сергея Васильевича
«ОТРИЦАНИЕ И СПОСОБЫ ЕГО ВЫРАЖЕНИЯ В ВАХОВСКОМ И
ВАСЮГАНСКОМ ДИАЛЕКТАХ ХАНТЫЙСКОГО ЯЗЫКА, ЦЕНТРАЛЬНЫХ И
ЮЖНЫХ ДИАЛЕКТАХ СЕЛЬКУПСКОГО ЯЗЫКА», представленной на соискание
ученой степени кандидата филологических наук. Специальность 10.02.20 –
Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание.
Томск, 2017. – 234 С.**

Диссертационная работа С.В. Ковылина даже на первый взгляд производит сильное впечатление своей яркостью и масштабностью как в плане теории, так и в плане охваченного автором материала. В принципе каждая диссертационная работа по обско-угорским и самодийским языкам в описательном, сравнительно-историческом и типологическом аспекте – это своего рода событие, но обсуждаемая диссертация С.В. Ковылина здесь справедливо претендует на особое положение.

Актуальность ее темы определяется явно недостаточной изученностью типов отрицания и способов его выражения в обско-угорских языках и самодийских языках, что, разумеется, существенно и для теоретического аппарата описания грамматического строя языков, и для описательных грамматических исследований, и для разноаспектной практики.

Научная новизна работы связана не только с получением нового материала по конкретной теме диссертации и его анализом – здесь результаты говорят сами за себя, но и с введением в научный оборот большого количества полевых и архивных материалов, и с разработкой теоретической базы для изучения общих проблем отрицания в разносистемных языках и конкретно – в уральских языках, в самодийских языках и в многодиалектных обско-угорских языках. Новым является и социолингвистическая характеристика и описание языковой ситуации в тех районах, где автор проводил полевые исследования.

Теоретическая значимость диссертации С.В. Ковылина может претендовать на исключительность. Во-первых, им разработан метаязык для изучения функционально-семантической (понятийной) категории отрицания, для чего им использованы не самые известные работы зарубежных, в основном голландских лингвистов. Во-вторых, представленная автором классификация форм отрицания, которая в традиции описания обско-угорских и самодийских языков не имела аналогов, может и должна использоваться в дальнейших исследованиях по формам отрицания в языках Сибири, представляющих другие языковые семьи и группы. В-третьих, построения автора значимы не только для грамматики и диалектологии обско-угорских языков и селькупского языка, но они включаются в общий контекст сравнительно-исторического изучения финно-угорских, самодийских и уральских языков. В-четвертых, данная работа наглядно показывает общелингвистическую значимость проблемы отрицания в лексике, морфемике, морфологии и синтаксисе в разных приложениях – от школьного и вузовского учебника до академической грамматики. Во всех аспектах – общетеоретическом, дескриптивном, сравнительно-историческом и сопоставительном, что определено материалом и задачами работы, автором получены заметные и значимые результаты.

Практическая ценность рассматриваемой нами диссертации велика и многоаспектна. Это прежде всего возможность использования теории (систематизации) и материала в дальнейших полевых исследованиях многодиалектных обско-угорских и самодийских языков. Далее, это необходимость использования собранного и проработанного автором языкового материала в лекционных курсах по хантыйскому и селькупскому языкам, в составлении учебных пособий, верификации изданных переводов хантыйских и селькупских текстов. Методика исследования – комплекс методов, полностью отвечающий паспорту специальности 10 02 20, по которой представляется работа – исчерпывающим образом охарактеризована в диссертации и автореферате (с.7-8).

Личный вклад автора в разрабатываемую проблему весьма значителен – от построения теоретического аппарата и составления анкет, использованных при сборе материала (они помещены в приложении и доступны для пользования всем исследователям) до обозрения состояния сравнительно-исторических исследований проблем отрицания в уралистике и финно-угроведении и инкорпорирования в сравнительно-исторические исследования нового материала.

Диссертация С.В. Ковылина состоит из введения, двух глав, выводов по главам, заключения, списка сокращений и условных обозначений, списка литературы, списка использованных архивных данных и приложений.

Введение (с. 5-19) представляет читателю работы ее структуру, цели и задачи, основные положения и другие основные сведения, предусмотренные нормативными документами ВАК.

Глава 1 (с. 20-64) **«Современное состояние исследований лингвистического отрицания»** состоит из десяти разделов. В ней рассматривается теоретическая проблематика категории отрицания в языке.

Вторая глава (с. 65-184) **«Способы выражения отрицания в ваховском и васюганском диалектах хантыйского языка, центральных и южных диалектах селькупского языка»** состоит из восьми разделов. В ней представлен комплексный анализ и формальное описание разных видов отрицания в хантыйском и селькупском языках, точнее, в указанных диалектах этих языков. Неравномерность объема глав компенсируется удачной разбивкой глав на разделы, что обеспечивает удобочитаемость работе и пропорциональность распределению излагаемого материала.

Заключение (с. 185-189) лаконично и емко подводит итоги проделанной автором работы.

Список литературы (с.194-208) включает 149 наименований, из них 70 на иностранных языках. Он подготовлен в современном тренде, когда в библиографию к диссертации включаются только использованные автором исследования. Аппарат работы свидетельствует о хорошем знании автором архивных источников по хантыйскому и селькупскому языкам, научной литературы и изданий текстов на этих языках, об эрудированности автора в проблемах финно-угорского и уральского языкознания, очень хорошей теоретической лингвистической подготовке.

О достоинствах диссертации С.В. Ковылина как квалификационной работы по заявленной специальности можно говорить много. Отметим как главное то, что, возможно, не лежит на поверхности – эта работа понятна лингвистам-финно-угроведам разных школ: новосибирской, томской, московской (А.И.Кузнецова, Е.А. Хелимский, И.А. Николаева, О.А. Казакевич, Т.В. Агранат, Ю.В. Норманская и др.), Санкт-Петербургской (Н.М. Терещенко, З.М. Дубровина и др.), а также ученым Эстонии, Венгрии, Финляндии, Германии. Важнейшее достоинство этой работы – ее теоретический характер, реализованный и в своем сегменте теории отрицания и формальном аппарате исследования типов и форм отрицания в разносистемных языках на конкретном материале. Существенны социолингвистические составляющие работы, в новых условиях, когда для верификации примеров остаются два-три, а то и один информант-эксперт – это влечет за собой новые комбинации методов и приемов сбора материала. В принципе этнолингвистические сведения об изучаемых языках и их диалектах не обязательны в подобного рода исследованиях, но они в данном случае полезны, учитывая современное состояние этих языков и особенно тех диалектов, которыми занимается диссертант. Формальный аппарат диссертации надо признать хорошим не только для данной диссертации, но и для специальной теоретической работы по теории или типологии отрицания. Материал диссертации хорошо опознается носителями языков и специалистами, хорошо владеющими материалом, что ныне является большим достоинством подобных исследований (тут на материале других языков народов Сибири имели место и нейтральные, и даже негативные оценки).

Работа С.В. Ковылина очень хорошо оформлена технически, несмотря на сложность используемой автором финно-угорской транскрипции. Здесь ситуация не оставляла автору выбора – хотя и хантыйский, и селькупский языки являются письменными, их письменные системы не охватывают изучаемые автором диалекты. Опечатки в диссертации единичны.

Переходим к замечаниям.

Одно общее соображение, важное и для автора, и для школы, и для региона, лингвистику которого представляет автор и его коллеги. Диссертация С.В. Ковылина – не первая работа, в которой исследуются южноселькупские и восточнохантыйские диалекты. До сих пор, как нам известно, ни у кого не проявлялся интерес к обозначенному региону не только как к фрагменту лингвистического поля, но как к области, для которой могут проявляться признаки каких-то языковых контактов или языкового союза, объединяющего указанные диалекты. Есть там языковой союз, там его категорически нет, или часть явлений в грамматике могут быть следствием влияния одного языка на другой – на эти вопросы нужны ответы.

Для такой работы была бы ожидаема работа с проблемой универсалий или фреквенталий (не универсальных, но частых явлений), связанных с отрицанием. На их фоне были бы более наглядными описываемые явления. К сожалению, этого мы в работе С.В. Ковылина не находим.

Положения, выносимые автором на защиту, как бы не очень ясны. В них эксплицитно нет ничего ни ареального, ни генетического, что отвечало бы специальности. Возможно, они не вполне удачно сформулированы.

При всех комплиментах, заслуживаемых автором за теоретические составляющие его диссертации, странным выглядит то, что типология отрицания, представленная автором, соотносится с таким источником, как Словарь лингвистических терминов О.С. Ахмановой (Ахманова 1969 в диссертации, с. 21) и даже не сделана попытка решить вопрос об источниках этой типологии.

В диссертации, во всяком случае в теории (материал тут все расставляет адекватно) нет четкого отграничения семантики и грамматики. Особенно ярко это видно при обсуждении множественного отрицания (с. 35 и далее) – тут проблема в границах категории отрицания, в широком понимании включающей лексические антонимы, морфологические антонимы и грамматические единицы разных уровней. Заметим, что в тунгусо-маньчжурских языках есть целая группа глаголов с предикатными актантами, имеющих инвариант «не совершать действие» ср. эвенк. и эвен. ба: лениться что-л. делать, хэ: бояться, опасаться, нун- не уметь что-либо делать, бурдэ- брезговать что-л. делать. Это отрицание или нет?

На с. 57 диссертации мы читаем: «Главное различие между концептуальной категорией отрицания и другими наклонениями – это то, что сфера действия отрицания варьируется и иногда может иметь всего лишь одну лексическую единицу в сфере своего действия. Отрицание, в отличие от наклонения, может выражаться деривационными морфемами и лексическими сочетаниями с предикатами». То, что отрицание не является наклонением даже в глагольной парадигме доказывается иначе – сочетаемостью отрицания с всеми формами наклонений, не говоря уже о выходе за пределы глагола.

Когда диссертант пишет о прохибитиве (с. 47) непонятно, имеет ли прохибитив все же полную парадигму. В этом разделе нет работы В.С. Храковского и А.П. Володина «Семантика и типология императива. Русский императив» (Л., 1986) и коллективной монографии: Храковский В.С. (ред.) Типология императивных конструкций. СПб., 1992) Функционально-типологические аспекты анализа императива. М. ч. I-2, 1990.

Вообще при очень хорошем знании диссертантом зарубежных узкоспециальных работ по проблеме странным выглядит отсутствие отечественных исследований, затрагивающих ту же или близкую тематику либо отдельные аспекты диссертации. К теории вопроса явно нужна монография: Логический анализ языка. Ассерция и негация. М., 2009.

Функционально-семантическая категория отрицания специально рассматривалась на русском материале – метаматериале для отечественной лингвистики – в работах: Блошенко Юлия Викторовна. Функционально-семантическое поле отрицания в современном русском языке. Дисс ... кандидата филологических наук. Таганрог, 1999; Штернина Е. С. Функционально-грамматический подход к обучению иностранных студентов русскому языку (на примере презентации категории отрицания) // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2016. – Т. 11. – С. 3511–3515. – URL: <http://e-koncept.ru/2016/86740.htm>.

Аналогичная проблематика на чукотском материале рассмотрена в кандидатской диссертации Марии Юрьевны Пупыниной «Способы выражения отрицания в чукотском языке» (СПб., ИЛИ РАН, 2012).

Формы отрицания, в первую очередь глагольные, рассматривались в многочисленных работах Ирмы Александровны Селицкой (ЛО ИЯ АН СССР), чему посвящены и ее кандидатская, и докторская диссертации:

- 1) Селицкая, И.А. Способ выражения общего отрицания в финском языке/ И.А. Селицкая // ср. Прибалтийско-финское языкознание. - Л.: Наука, 1967.-С. 50-58.
- 2) Селицкая, И.А. Отрицательные формы глагола как способ выражения общего отрицания в финно-угро-самодийских языках: Дисс. канд. филол. наук/ И.А.Селицкая. - 1971. - 190 с.
- 3) Селицкая, И.А. «Отрицательные глаголы» и их роль в предложении / И.А.Селицкая // Лингвистические исследования. Синтаксический анализ разносистемных языков - М., 1979. 202-209.
- 4) 4) Селицкая, И.А. Что такое «отрицательный глагол»? (на материале языков, относящихся к урало-алтайской и палеоазиатской группам) Дисс. докт. филол. наук / И.А.Селицкая. - Марийский государ, ун-т. - Йошкар-Ола, 1996 - 240 с.

Автор пишет на с. 67 диссертации: «Согласно существующей альтернативной точке зрения, данная частица может являться заимствованным из эвенского языка отрицательным элементом [Katz 1970: 149, 150].» То же говорится на с.73, 180 диссертации. Такие вещи со случайными ссылками нельзя рассматривать всерьез – отрицательный спрягаемый глагол э- есть во всех тунгусских языках, его следы есть в монгольских языках, а в тюркских языках глагольное отрицание ма-мэ восходит, как полагают, к деепричастию на –ма/-мэ от этого глагола с перераспределением грамматических значений (при элизии основы значение отрицания стало выражаться иными показателями), что в совокупности дает основания для урало-алтайской реконструкции глагола э-.

Тут возникает и вопрос: не возводимы ли селькупские отрицательные частицы к отглагольным дериватам от э-? И не решена ли – однозначно и навсегда - проблема генезиса уральского отрицания в Уральском этимологическом словаре К. Редей?

Возможно, автору была бы полезна и работа Агранат Татьяны Борисовны «Сравнительный анализ грамматических систем прибалтийско-финских языков: принципы интрагенетической типологии: автореферат дис. ... доктора филологических наук : 10.02.20, 10.02.02. - Москва, 2009. - 56 с.), тем более, что интрагенетическая типология может стать новым направлением в изучении языков народов Сибири.

Техническое замечание к с. 85: тут в таблице селькупские отрицательные частицы из разных диалектов не обобщены по гомогенности. Диалектную принадлежность хантыйских частиц можно указать не до наречия (восточное/западное), а до диалекта.

Неужели в обороте ареальной лингвистики и лингвогеографии до сих пор пребывают Карты, составленные в 1967 году? (см. Приложения к диссертации). Полевые исследования последних 50 лет должны были дать новые данные, в том числе по ранее не изученным говорам.

Мелкие неточности:

- известный исследователь хантыйского языка П.К. Животиков правильно назван в списке литературы на с. 196, но в автореферате и в тексте диссертации он же обозначен как К.П.Животиков.

- французский глагол Venir (вёнир) приходит, на с. 30 диссертации дан с опечаткой – он не имеет конечного –е.

Высказанные замечания не снижают ценности диссертации С.В. Ковылина как квалификационного и научного исследования.

Достоверность и обоснованность положений, построений и выводов диссертанта доказывается большим объемом языкового материала (полевые сборы, архивные материалы, литература по проблеме), в том числе анкетами для полевой работы, данными в приложении.

Автореферат диссертации и 10 статей, в том числе 4 в изданиях, рекомендованных ВАК для публикаций по апробации результатов диссертаций, полностью отражают содержание диссертации С.В. Ковылина.

Диссертационная работа С.В. Ковылина «ОТРИЦАНИЕ И СПОСОБЫ ЕГО ВЫРАЖЕНИЯ В ВАХОВСКОМ И ВАСЮГАНСКОМ ДИАЛЕКТАХ ХАНТЫЙСКОГО ЯЗЫКА, ЦЕНТРАЛЬНЫХ И ЮЖНЫХ ДИАЛЕКТАХ СЕЛЬКУПСКОГО ЯЗЫКА» представляет собой самостоятельное, оригинальное, и завершённое исследование в области общих проблем функционально-семантической категории отрицания в языках мира, а также в области морфологии и синтаксиса диалектов хантыйского и селькупского языков. Эта работа полностью отвечает требованиям пунктов 9-14 «Положения о порядке присуждения ученых степеней» № 842 от 24.09.2013 г., а также тем требованиям, которые предъявляются к кандидатским диссертациям. Автор диссертации С.В. Ковылин безусловно заслуживает присуждения ему искомой ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.20 – Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание.

Доктор филологических наук, доцент,
главный научный сотрудник отдела хантыйской филологии и фольклористики Обско-угорского института прикладных исследований и разработок

3.08. 2017

Солов

Соловар Валентина Николаевна

Почтовый адрес: 628012, Ханты-Мансийск, ул. Мира 14 А.
Контактные телефоны: (8-3467) 335435, факс (8-3467) 33-54-38
E-mail: solovarv@rambler.ru

*Подпись Соловар В.Н. заверен
Высший исполнительный орган с.д.д.
18.09.2017*

